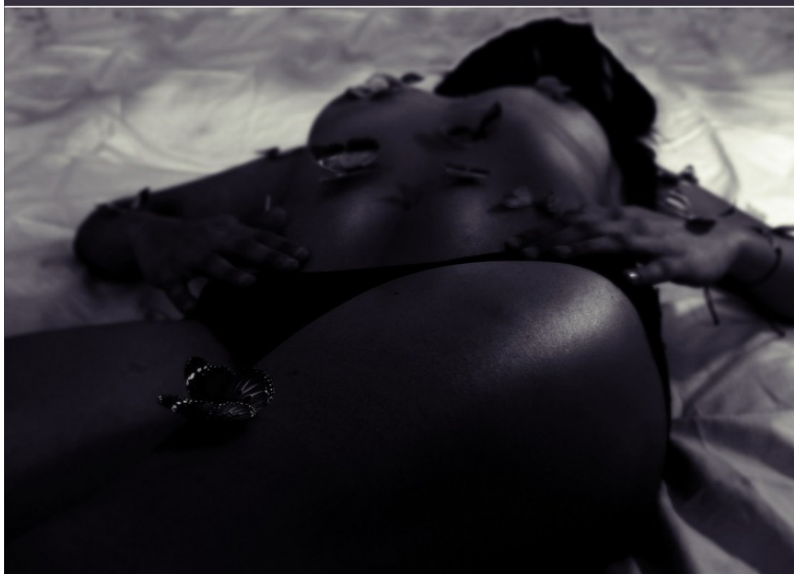

Елизавета Романова

*Анорексия.
Непоставленный
диагноз*

Елизавета Романова
Анорексия.
Непоставленный диагноз

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23099176
ISBN 9785448379987*

Аннотация

Книга основана на реальных событиях: автор пережила расстройство пищевого поведения. Мария с детства страдает от одиночества и мечтает о тепле, любви и поддержке. И однажды она удивительным образом получает поддержку...

Содержание

Глава 1. Be skinny	5
Мне 5 лет	5
Мне 8 лет	6
Мне 10 лет	15
Мне 12 лет	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анорексия. Непоставленный диагноз

Елизавета Романова

Дизайнер обложки Александр Александрович Герасимов

© Елизавета Романова, 2017

© Александр Александрович Герасимов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7998-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анорексия. Непоставленный диагноз

я хочу капли с твоим запахом их бы во всю мою еду
подливали

я хочу заниматься с тобой всеми словами
я хочу чтобы где больно туда целовали
туда целовали

Михаил Котов.

Глава 1. Be skinny

Мне 5 лет

Все, что я из себя представляю, – болезненная бледность и темно-карие, почти черные глазищи. Настоящая Неточка Незванова. Я уже умею читать, но еще не знаю, кто такая Неточка Незванова. Через несколько лет прочту одноименную повесть Достоевского, на долгие годы влюблюсь в главную героиню и начну себя с ней ассоциировать.

Все это будет потом, а пока я пришла с мамой в гости к ее двоюродной сестре и сижу за столом над тарелкой плова. Машины сестры – веселые пышки, умеющие находить радость жизни во всем. В их домах постоянно звучит смех. Вот и сейчас тетушки хохочут, вспоминая какую-то шалость из детства. Тетя Валя, настоящая русская гром-баба, увидев, что я практически ничего не съела, весело говорит: «Ничего, Машутка, это ты сейчас такая худенькая. Я в твоём возрасте тоже тощая была, а теперь вот во!». Что-то мне становится страшно. Не хочу быть «Во!».

Мне 8 лет

Я мелкая, тощая и ужасно некрасивая – кавказская внешность, цыганистые кудри длиной ниже пояса. Каждое лето меня отправляют гостить к бабушке в деревню, и лето из каникул и времени чудес превращается в медленную мучительную пытку. Вместе со мной у бабушки живут мои двоюродные братья. Разница в возрасте у нас с ними крошечная – они старше меня на год и на два, но наша жизнь у бабушки существенно различается.

Их день начинается часов в 11 яичницей и пельменями, мой – в 9 утра сбором колорадских жуков на здоровенном картофельном поле.

Нет, я не преувеличиваю и не пытаюсь натянуть на себя маску жертвы. Просто все это было на самом деле, а жизнь чаще всего гораздо удивительнее, нежели в самых фантастических романах. Итак, любящая бабушка будит меня в девять утра, и как только я натягиваю футболку и шорты, торжественно вручает мне пластиковую бутылку, в которую я должна скидывать жуков.

Дело это муторное и противное, но, если быть честной, эти полтора-два часа копошения с жуками на картофельном поле – лучшее мое время за весь день, поскольку здесь только я, картофельные кусты, миленькие полосатые жучки и ряд подсолнухов на границе между бабушкиным и сосед-

ским огородами.

Я на коленях ползаю между кустами картошки, старательно собираю жуков и их детишек в бутылку и распеваю во весь голос. Можете представить весь масштаб катастрофы – слуха у меня нет совсем, так что мое пение – то еще наслаждение. К счастью, мало кто в это время проходит мимо огорода, так что мое пение услаждает слух только жуков. А еще я мечтаю. Воображение у меня хорошее, и в нем я вижу себя то супер крутой рок-звездой со стильной стрижкой, то очаровательной принцессой в пышной розовой юбке, то олимпийской чемпионкой по фигурному катанию. Ни в одном из моих мечтаний нет осточертевших братьев и злобной бабушки, это – идеальная воображаемая реальность.

К сожалению, к половине одиннадцатого-одиннадцати утра начинает припекать солнце, а, значит, моя вахта подходит к концу. Я тащу бутылку с жуками в крытый двор, нагреваю на газе ковшик воды и выливаю кипяток в бутылку с жуками. Этот ритуал у нас с бабушкой носит название «приготовить суп с жуками». Пожалуй, один из немногих моментов, когда мы вдвоем искренне над чем-то смеемся. Ну, а затем начинается треш – завтрак.

Братья мои – существа капризные и рожденные от любимых бабушкиных детей, я – молчаливая, не смеющаяся защищаться девчонка, дочь нелюбимой бабушкиной дочери. Именно поэтому братцы получают заботу и вкусняшки, а я – яйца и овощи. Короче говоря, завтрак наш выглядит так: мы

сидит втроем за большим овальным столом на кухне, бабушка чуть поодаль (но достаточно близко, чтобы достать до стола руками) вяжет. Посреди стола стоит вазочка с вареньем, тарелка с медом, хлебница. В тарелках братьев – жареная колбаса и яичница, в моей тарелке – мерзкие жареные кабачки и яичница. Формально завтрак протекает в молчании, на деле – как только бабушка не смотрит на нас, братья начинают щипать меня, пинать под столом, хватать именно тот кусок хлеба, от которого я уже откусила, комментировать мою внешность и национальность моего папы. Как только бабушка слышит их змеиное шипение и, подняв очки на лоб, смотрит на нас, братцы замолкают. Виноватой остаюсь я, потому что именно в этот момент я размахиваю руками или задыхаюсь от сдерживаемых слез. Водянистые кабачки и пережаренная яичница доедены, и очень хочется вылезти из-за стола, но не-е-е-ет! Надо ждать чай. Чай – это отдельный ужас. Стоит мне или Костику, который старше меня на два года, потянуться к вазочке с вареньем, как бабушка шлепает нас по рукам, придвигает вазочку к Антону и приговаривает: «Куда полезли? Это Антоше, у него же папы нет!».

Ага, папы нет. Зато есть отчим, который пашет за десятерых и все несет в дом, не получая за это никакой благодарности. Но это такие частности, что бабушке в них вникать неинтересно, посему – у Антоши папы нет, и точка. Я мгновенно допиваю жиденский чай с каменной карамелькой и выбегаю из-за стола. Эти минуты после завтрака – тоже ис-

ключительно мои. Я бегу в крохотную комнату, хватаю с этажерки книгу и начинаю читать. Книг у бабушки немного, все они советские и довольно скучные – колхозы, поднятие целины, активные советские граждане. Но каждый из этих граждан настолько лучше моих родственников, что мне интереснее убежать ко взрослой нудноватой литературе. У бабушки антикультуры литературы, поэтому здесь я читаю мало и почти тайно. Пока братья доедают, я читаю несколько страниц, сидя на корточках у этажерки. Возможно, именно из-за этой тайности и торопливости я так полюбила чтение и читаю очень быстро, подчас, правда, не понимаю кусков прочитанного.

Дом у бабушки большой, но это все равно, что большая клетка, в которой негде спрятаться от палача. Минут через десять я слышу гогот наевшихся братьев, ставлю книгу на место и выбегаю в зал. Время телевизора!

Телевизор мы смотрим так же мучительно, как и все остальное: я зажата на диване между Антоном и Костиком, бабушка устроилась на стуле в другом углу комнаты. Смотрим мы новости или дурацкие сериалы. Братцы противно ржут мне в уши, болтают всякие гадости, толкают меня и смеются. Я пытаюсь отключаться и переноситься в воображении куда-нибудь в иные миры, и иногда у меня это даже получается.

На дворе конец 20 века, но время в деревне ползет так же медленно, как и сотни лет назад. Вот так: ме-е-е-е-е-е-е-е-е-е-

е-е-едленно. Это даже не улитка, а что-то похуже. Оно будто сжалось до одной точки и упорно не желает сдвинуться с места. Все деревенские радости – парное молоко, купание в озере, походы в лес, игры на улице с соседскими ребятами – омрачены для меня присутствием братьев. Они делают каникулы по-настоящему невыносимыми, а я даже не могу пожаловаться на это маме. Вернее, пыталась.

Мама звонит раз в несколько дней от соседей, потому что телефона у нас нет. Трубку берет бабушка, некоторое время расписывает маме свои болячки и наше плохое поведение, а затем передает трубку мне. Сама бабушка при этом никуда не девается, а сидит рядом и штопает носки или постельное белье.

– Машенька, как ты там?

– Я... Я... – я пытаюсь что-то выговорить, но чертов комок застревает в горле, и я понимаю, что если произнесу еще хотя бы один звук, то разревусь. А плакать нельзя.

– Ты себя хорошо ведешь?

– Угу.

– Бабушке помогаешь?

– Ага.

– Слушаешься бабушку?

– Да...

В общем, диалоги с мамой короткие. Мама говорит, что они с папой по мне скучают, не обещает приехать, не обещает забрать меня. Велит слушаться бабушку и не пакостить.

На этом разговор заканчивается. Я передаю трубку бабушке, и пока она разговаривает с мамой, сижу рядом на диване, чувствуя, как возникшая было надежда на спасение уносится от меня далеко-далеко.

– Ну, ладно, дочь, пойду дела делать, – говорит бабушка, выслушивает мамины прощания и кладет трубку.

Все! Аут!

Еще через десяток лет я впервые прочту «Постороннего» Камю и пойму, как чувствовал себя главный герой в последний момент перед казнью: еще минуту назад надежда была, а теперь ее нет. Пойму и буду долго сидеть на холодном полу, прижавшись к стене, и молчать, переваривая это страшное ощущение безнадежности.

Любые детские чувства кажутся взрослым чем-то ерундовым – ну, не может ребенок быть полноценной личностью и испытывать не только радость и счастье, но и боль, тревогу, страх, безнадежность. Онжеребенок! Он же должен радовать и умилять родителей и родственников пухлыми щечками, ясными глазками, послушанием и успехами в учебе. Не должен.

Он такая же личность, как и взрослые. Он испытает всю гамму чувств и эмоций, вот только если взрослые могут хотя бы попытаться справиться с этой лавиной, то ребенок остается один на один со всеми ужасами своего пребывания в этом огромном мире. Защитить ребенка от внешних проявлений жестокости мира сложно, но возможно, и большин-

ство родителей успешно с этим справляются: не разрешают малышам разговаривать на улице с чужими дядями и тетями, крепко держат сына или дочку за руку при переходе через дорогу, кормят наваристыми супами и вкусными булочками. Гораздо сложнее помочь малышу пережить внутренние страхи, и перед этим многие родители бессильны. Впрочем, я неправильно подобрала слово: не бессильны. Родители попросту не подозревают о том, что творится в душе у ребенка. И брошенным себя может ощущать не только малыш, находящийся в детском доме, но и ребенок, воспитывающийся в благополучной полной семье.

Иногда я умудрялась подстеречь звонок мамы и схватить трубку первой, это в те редкие минуты, когда братцы и бабушка были где-нибудь на улице, а я по счастливой случайности – в доме. Вот тогда я позволяла слезам хлынуть из меня и, перемешивая слезы с соплями, захлебываясь от своего маленького детского горя и одиночества, почти выла в трубку и просила маму забрать меня из деревни. Мама как могла, утешала и успокаивала меня. Но не обещала забрать.

И я вновь оставалась одна.

Август.

Я все еще в деревне. Собственно говоря, к концу лета я как-то свыкаюсь со своим житьем-бытьем. То ли братьям надоедает надо мной издеваться, то ли у бабушки истека-

ет лимит равнодушия и жестокости, но факт остается фактом: в августе мне намного легче. Я бываю у дяди с тетей, и вот там-то меня никто не трогает и не дергает. Мы с тетей часами болтаем на кухне, я с удовольствием помогаю тебе во всем, начиная от готовки и заканчивая огородом, хожу с дядей за коровой, большущими кружками пью парное молоко и вечерами греюсь в бане.

К бабушке приехали гости – ее названный сын с семьей. Приезжают они всегда ненадолго, но успевают раскрасить деревенскую унылую жизнь заразительным смехом и городскими новостями.

Попив чай и выложив все новости, гости торопливо собираются домой. Мы выходим на улицу их проводить, дядя Гоша садится за руль, тетя Лида открывает переднюю дверцу и, помахав нам рукой, кричит: – Маша, втяни живот, пупок торчит!

Братья смеются, бабушка что-то бурчит, а я недоуменно смотрю на живот. Что втянуть? Зачем втянуть?

Все, мысль о толстом животике и некрасивом пупке поселяна в мой маленький глупый мозг.

Сколько себя помню, я всегда было худющей. И всегда мне казалось, что я толстوشка.

Даже самое ужасное лето рано или поздно заканчивается, и вот я дома.

Послезавтра в школу.

А еще через неделю мы пишем сочинение на тему: «Как

я провел лето?».

Я пишу, мешая правду с ложью: о том, как бабушка пекла блины, как она любит меня, как я ей помогаю. Перед уроками мы с одноклассниками обсуждаем домашку, делимся впечатлениями, читаем сочинения друг друга. Я слушаю рассказы о том, как подружки провели лето, и завидую черной завистью. Девочки тоже были в деревнях у бабушек, но у них такие бабушки... Как из детских книжек. Идеальные бабушки!

Но ведь моя... тоже идеальная. Только не для меня. Или я для нее – неидеальная внучка?

Мне 10 лет

1999 год – один из самых запомнившихся в моей жизни. Нет, ничего особенного в этот период не произошло, но очень чувствовалось, что через несколько месяцев наступит Он – двадцать первый век! Каким он будет? Что принесет? Об этом говорили в телевизионных передачах и на уроках в школе, взрослые и дети, по радио и в газетах. Это волновало всех.

Рост 140 сантиметров, вес 32 килограмма. Спасибо ежегодному медосмотру, который мы проходили в школе. Это тоже нервно и почему-то довольно унижительно. Мальчишки хихикают и пытаются подсмотреть, что же происходит, когда в одном из кабинетов школы находятся врачи, медицинские сестры и девочки.

Я одна из самых высоких девочек в классе и при этом ужасно худая. Честно говоря, в девяностые почти не было пухлых детей: в нашем небольшом городе мало кто мог позволить себе фастфуд или даже мало-мальски хорошие продукты, все ели одинаково мало и одинаково скудно. Это было веселое и жуткое время.

Всю зиму девяносто девятого года мы сидели на уроках в верхней одежде и варежках, но умудрялись негнуцими пальцами на уроках труда создавать какие-то поделки, аппликации, что-то шили и лепили. Мы искренне хохотали

и честно учили уроки.

Всю зиму девяносто девятого года мы ели картошку, варенную в мундире. О, вы не представляете, какое это лакомство!

Когда картошка готова, мы с мамой сливаем воду и перекладываем картофелины в большую миску, а затем, перекидывая горяченьные картофелины из руки в руку, чтобы не обжечься, снимаем шкурку.

А дальше все просто. Мама любит картошку с квашеной капустой: накладывает в глубокую тарелку капусту, туда же отправляет крупно нарезанные картофелины, поливает растительным маслом и перемешивает.

А мы с папой любим просто картошку с маслом. Картофелина сначала посыпается солью, а затем макается в растительное масло. Пища богов, честное слово! И никому такой рацион не казался убогим. По крайней мере, нам, детям, безумно нравилось, и не было мыслей о том, что кто-то богат, а кто-то – беден. Возможно, от того, что в нашем небольшом городке все были одинаково бедны.

Я некрасива. Не знаю, как чувствуют себя красивые девочки, а вот таким некрасивым, как я, живется... непонятно. Обычные девчонки могут стать хорошенькими, а как быть тем, кому природа не оставила шансов?

Мой строгий папа взял на себя функции природы и не оставил мне шансов. Он всегда переживал, что излишне открытое тело может привлечь мальчиков, излишне краси-

вое или яркое лицо может привлечь мальчиков, что-то еще может привлечь мальчиков...

Поэтому мне покупались вещи на несколько размеров больше, не разрешалось носить брюки и стричь волосы. Словом, к 10 годам я представляла собой такого лохматого бровастого зверька. Зато я сидела с самым красивым мальчиком в классе и, конечно, была влюблена в него! В шестом классе я устрою ему настоящий допрос, а пока...

С завидной регулярностью – раз в неделю – я шлепалась в обморок. Девяностые сказывались на здоровье, мой гемоглобин был катастрофически низок. Кажется, тогда я была именно той, кем мечтают стать нынешние девчонки: худенькая, бледная, грустная, изможденная... Этакая аристократка в вещах с чужого плеча.

Все свободное время я читала и мечтала. Я мечтала быть красивой и волнующей, центром компании и звездой... города? Страны? Нет, всего мира! Оставаясь дома одна, я заворачивалась в покрывало, как в мантию, и сама с собой играла в королеву: вышагивала царственной походкой, отдавала приказы, странным эхом отдававшиеся в пустоте дома, медленно усаживалась на стул как на трон и, оттопырив мизинец, пила роскошный воображаемый чай из воображаемой фарфоровой чашечки.

В 10 лет я читала – о, ужас! – классику: произведения Достоевского, Тургенева, стихи Есенина и Блока. Не любила Пушкина, возможно, мне не нравились его оптимизм и ве-

село, не знаю. И, конечно, я продолжала мечтать. В своем воображении я побывала на всех светских мероприятиях и балах Петербурга девятнадцатого века, ерошила пшеничные кудри Сергея Есенина в полуденный зной села Константиново, молча стояла в углу гробоподобной комнатушки Раскольниковова. Я странно жила.

Нашла фотографию тех времен. Новогодний утренник в школе, я в платье снежинки стою у ёлки. Да-а-а, платья снежинок в те времена были у всех. Мое взрослоло вместе со мной – я надевала его каждый новый год, начиная с пяти лет. На первой фотографии в этом платье – детсадовской – я сижу на лавочке, платье стелется по полу, распущенные длинные кудри тоже почти на полу, я исподлобья смотрю на фотографа.

Я росла, платье становилось все короче, но налезало на меня. Фото четвертого класса: я ростом почти с ёлочку, установленную в кабинете, платье мне совсем коротко, худенькие длинные, как у цапли, ножки, – в белых колготках и белых же сандалиях. Длинные волосы, серебристая мишура, украшающая мой лоб, словно самая роскошная в мире алмазная диадема.

В 10 же лет началось мое половое созревание: прыщи и месячные. Не знаю, почему вместе с менструациями не появилась грудь, зато помню, как ужасно я мучилась от прыщей в то время, когда все одноклассницы обладали прекрасной чистой кожей. И как же меня ужасали месячные! Они

начались совершенно внезапно, в декабре 99 года. Я тогда постоянно ходила на лечебную физкультуру в детскую поликлинику, боролась со сколиозом. Первые месячные начались во время занятия в поликлинике. Придя домой и обнаружив пару уже ставших коричневыми пятнышек на трусиках, я испытала настоящий шок и ужас. Что это? Я ранена? Я умираю? Что со мной?

Мама никогда не говорила со мной об этом. Возможно, считала, что еще слишком рано, возможно, просто не видела в этом необходимости. Вечером мама увидела это безобразие и наконец-то рассказала своей маленькой взрослеющей дочери, что же это такое. Рассказала, неловко подбирая фразы и боясь называть вещи своими именами.

А на следующий день о том, что я «стала девушкой» (цитата мамы), узнала практически вся родня. Ужасное чувство публичного обнажения, ужасное. Слишком сложное для десятилетнего ребенка, не способного пока еще с таким справиться.

Из последних лет двадцатого столетия родом и мой постоянный голод. Я все время хочу есть. Даже если только что поела и чувствую, что сейчас лопну, я все равно хочу есть. Не есть даже, а жрать. Я готова съесть все вкусности мира. Я не умею оставлять сладости или фрукты на завтра, я должна съесть все здесь и сейчас. Чуть позднее это изрядно скажется на моем весе и самоощущении, ну, а пока я живу в голодные, но яркие девчачьи.

Каждые выходные меня отправляют к тете. Она мать моего братца Антона. Того самого, у которого нет папы.

И у меня вновь нет шанса отказаться, не поехать... Выходные у тети – это концентрация летних каникул в деревне. Хотя есть и некоторые положительные моменты: когда меня не трогают, я сижу в углу и читаю, пока остальные смотрят телевизор. Единственное условие: если вечером все сидят в зале с выключенным светом и смотрят какой-нибудь блокбастер, мне нельзя включить свет в другой комнате и читать. А смотреть все это мне неинтересно. Поэтому я сижу на полу и смотрю на книжный шкаф, на лакированной поверхности которого отражается экран телевизора. Так хотя бы интереснее.

Наверное, я лукавлю о том, что не могла отказаться. Мне просто было страшно. Мой любимый мужчина рассказывал, как в 14 лет ушел из дома и несколько месяцев жил один. Вот он – смог. А я боялась. Зря, наверное. Каждый вечер в деревне я представляла, как под покровом темноты захожу в сарай, угоняю старый велосипед и уезжаю в город. Однажды даже почти решилась на это. Но испугалась.

В этом же возрасте я впервые прочла роман «Унесенные ветром» и начала мечтать о превращении в прекрасную храбрую Скарлетт. Странная полярность тех лет – то ли болезненная истеричная Неточка Незванова, то ли сильная крепкая Скарлетт О'Хара – присуща мне до сих пор. И изрядно отравляет жизнь и мне, и моим близким.

Весь декабрь 1999 года разговоры в мире были только об одном: грядет Миллениум! Новое тысячелетие... Это же удивительно: родиться в одном столетии и перейти в другое!

Наступление двухтысячного года было особенным: и луголодное – скромная картошка, селедка под шубой, оливье и мандарины, и очень обнадеживающее. Люди выходили на улицу и поздравляли незнакомцев с наступлением второго тысячелетия. Это был один из редких моментов, когда люди всего мира объединяются не перед лицом опасности или врага, а в надежде на счастье и чудо.

И мы надеялись.

Мне 12 лет

Двенадцать – это вам не десять. Нет, серьезно. В десять девочка еще ребенок: играет в куклы, прилежно учит уроки, разбивает коленки на пыльных дорогах родного города, читает детские детективы из серии «Черный котенок», неловко разогревает оставленный мамой обед и потихоньку учится готовить нехитрые блюда.

В двенадцать девочка начинает превращаться в подростка, юную девушку. Она то плачет, то смеется, то швыряет по всей комнате вещи, не может справиться с прыщами, растущей грудью и перепадами настроения и не понимает, почему ей вдруг не хочется ни читать, ни учить физику.

Впрочем, про «не хочется читать» это я загнула. А вот все остальное – полная правда.

Мне двенадцать, я корреспондент школьной газеты, активистка, немножечко спортсменка. И по-прежнему некрасива. Лохматость и кудрявость моих длинных волос превысила все нормы, равно как и мешковатость одежды. Я сижу с самым красивым мальчиком в классе. Чтобы вы понимали: он красив не только в моих глазах, но вообще, объективно. У него большие карие глаза, опущенные пышными ресницами, золотисто-каштановые волосы. Он ужасно учится, но таким красавчикам это прощительно. Позади нас сидит белокурая красавица Карина, звезда класса и всего сред-

него звена, в нее уже влюблены старшекласники и практически все наши мальчишки. Карина – это удар ниже пояса для любой девочки: красотка не просто красотка, но еще и отличница. Круглая безоговорочная красавица-отличница – это же несправедливо! А еще она умеет дружить и никогда не насмехается даже над самыми... жалкими одноклассниками. Карина – это маленькое голубоглазое божество шестого класса, надежда и опора школы в конкурсах красоты и олимпиадах по всем предметам.

Именно поэтому Потап чаще всего сидит вполоборота: мне достается его мужественное плечо, а Карине – не менее мужественный профиль. Он молча смотрит на нее, затаив дыхание, я так же молча страдаю, из-под ресниц глядя на него.

Нет, Потап не презирает меня, мы с ним настоящие друзья, иногда он даже провожает меня почти до самого дома, и тогда я сбиваюсь, стараясь шагать в ногу с ним, и вздрагиваю, когда он касается моего плеча или руки. И тем не менее на всех уроках и переменах Потап поворачивается к Карине. Ему даже не надо с ней разговаривать, им и так хорошо.

И однажды я не выдержала. Наверное, не выдержала не столько я, сколько гормоны, бушевавшие во мне на тот момент. Впрочем, не важно.

Я повторяла географию, Потап сидел рядом со мной и с нежностью смотрел на Карину.

– Ну, чем я хуже? – закричала я и удивилась тому, как

громко и грубо прозвучал мой голос.

– Что? – не понял Потап.

– Ты все время смотришь на нее, дышишь ей, вздыхаешь по ней! Вот же я, рядом с тобой, и ты мне нравишься!

Странно, но я не плакала. Просто орала. Да так возмущенно, как комсомолка тридцатых годов, узнавшая, что ее товарищ тайно посещает церковь.

– Но я... Маша, мы же с тобой друзья!

– Друзья?! Это ты мне друг, а я тебе – нет! Я хочу быть твоей девушкой.

– А мне нравится Карина, понятно? Она красивая, она умная, мне нравится она, не ты! И извини! Я никогда не думал, что ты влюбишься в меня.

Потап вышел из кабинета, а я опустила голову к учебнику географии.

Карина красивая, Карина умная...

Карина, все это время сидевшая позади меня и ни слова не проронившая, продолжала молчать и вдруг погладила меня по спине. Я разревелась.

– Маша, – прошептала Карина, глядя меня по спине.

– Что?

– Маша, прости меня!

Этот ангел во плоти еще и извиняется? Я повернулась к Карине, кривовато улыбнулась ей, и одноклассница убежала из кабинета.

В тот момент я сделала для себя вывод, что в этой жизни

любят только красивых. Или тех, у кого нет папы. Или... да кого угодно, только не таких, как я.

Июнь.

Я веду дневник. В июне я хожу на отработку в школьный сад. Отработку у нас принимает моя любимая учительница – безумно красивая Дана Васильевна. Она была нашей классной руководительницей в третьем и четвертом классах, и с тех самых пор я питаю к ней необъяснимую нежность. У Даны Васильевны чудесная женственная фигурка (а сейчас бы эту молодую женщину назвали... толстой? Пышной?) с тонкой талией, большой грудью и красивыми бедрами, густые волосы и большие зеленые глаза. И она тоже не только красивая, но еще и добрая, умная, знает кучу интересных историй и умела поставить на место мальчишек тогда, когда они меня дразнили, и я начинала с ними драться.

Во время отработки мы с Даной Васильевной часто разговариваем, смеёмся, и я чувствую такую гордость от того, что эта чудесная учительница уделяет мне столько внимания! А однажды мы с одноклассницей не поделили участок для прополки. И это стало основой для первой летней записи в дневнике. Что самое интересное, я... я немного переиначила диалоги и ход событий, – в свою пользу, разумеется. Именно в таком виде – не совсем правдивом – этот случай остался в дневнике. И я даже себе поверила, так хорошо,

мило и красиво все расписала. И вместе с тем я прекрасно знала тогда, что это неправда. И до сих пор помню, где там правда, а где ложь, хотя прошло уже 15 лет.

Записывая эту историю с участием в толстую зеленую тетрадку, я одновременно хотела поверить в эту ложь и боялась, что по прошествии лет не вспомню правду. Зря боялась. Помню.

В двенадцать лет у меня был чудесный ярко-желтый летний костюмчик: широкая юбка, едва державшаяся на моей тонкой талии, и коротенькая кофточка (сейчас бы это считалось кроп-топом), открывавшая мой ужасный торчащий пупок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.